

В ванной Фэн Хао было все: роскошь, порядок, комфорт. Линь Лан заметил это еще в первый день, но Фэн Хао никогда не разрешал ему ничем пользоваться, поэтому он приучил себя не заглядываться слишком долго.

Однако сегодня вечером тишина в доме, казалось, сама дала свое разрешение.

Тщательно очистившись снаружи и изнутри, Линь Лан взял предмет, который оставил ему Фэн Хао.

Это была анальная пробка - гладкая, изогнутая. Он лишь немного помедлил, прежде чем вставить ее в себя. Пробка вошла легко, даже слишком легко, а ее скромный размер заставил его беспокоиться, что она может выпасть. Это беспокойство держало его в напряжении, его тело инстинктивно сжималось, чтобы удержать ее на месте.

В зеркале изогнутый металлический стержень изящно выдавался между его щек, заканчиваясь приподнятым декоративным кончиком. Он напоминал хвост, виляющий в воздухе.

С этим приспособлением сидеть было практически невозможно. Даже вставая на колени приходилось подстраивать угол сгибания бедер, чтобы избежать неумолимого давления. В конце концов, Линь Лан сдался и просто встал.

В записке говорилось: «Надень это и подожди меня». Вот и все.

Половина задачи была выполнена. Осталась лишь тишина и ожидание.

Он беспокойно расхаживал по комнате.

Через некоторое время он побрел к входной двери, не понимая, что его туда тянет. Рядом лежала круглая бархатная подушка, он уже замечал ее раньше, но не понимал, что это такое. Теперь понял. Он без колебаний опустился на нее коленями. Прошли минуты. Может быть, часы. Он пошевелился, слегка свернулся калачиком и лег, словно верный питомец, ожидающий у двери.

Время размылось.

Его мысли блуждали.

Он понял, что ожидание стало частью его жизни. Он ждал, когда Фэн Хао покормит его, искупает, заговорит, прикоснется.

Он существовал в промежутке между командами. Даже время больше ему не принадлежало,

оно было тихо отдано.

Где-то там, за пределами кожи и костей, на нем был ошейник, который мог чувствовать только он. Поводок был невидимым, но безошибочно реальным. А с другой стороны: руки, мягкие, как шелк, ловкие, точные — руки, которым он жаждал поклоняться.

Его разбудил какой-то звук — шаги.

Он быстро сел, и от этого резкого движения предмет внутри него дрогнул. Он ахнул, застигнутый врасплох этим ощущением. Когда дверь открылась, Фэн Хао увидел его там — обнаженного, стоящего на коленях, покорного.

— Хороший мальчик, — пробормотал Фэн Хао с довольным блеском в глазах. — Раздвинь ноги. Ступни вместе. Руки опусти.

Его голос был спокойным, размеренным, как голос учителя.

— Носочки вытяни. Опусты поясницу. Выгни спину.

Линь Лан беспрекословно выполнял каждое указание, его тело принимало ту форму, которую требовал Фэн Хао.

Уязвимая, беззащитная, идеальная.

— А теперь гордо подними подбородок. Вот так.

Фэн Хао присел и с удовольствием осмотрел его.

— Это твоя поза приветствия. Понятно?

Линь Лан молча кивнул.

— Покажи мне эту шутку, — сказал Фэн Хао.

Линь Лан замялся. Поза показалась ему абсурдной и неловкой.

Но он слегка дернулся, как раз достаточно, чтобы один раз шевельнуть хвостом.

Фэн Хао тихо усмехнулся, не обращая внимания на скованность.

— Неплохо. Мы потренируемся.

Он повернулся и пошел в спальню. Линь Лан тихо последовал за ним.

— Когда ты кончал в последний раз? — небрежно спросил Фэн Хао, снимая куртку.

Линь Лан моргнул, застигнутый врасплох.

— ...Десять дней.

— Дольше, чем я ожидал. Ты молодец, — сказал Фэн Хао, взъерошив его волосы. — Ты заслуживаешь награды. Жди меня в постели.

Линь Лан, следуя инструкции, залез на кровать, и пробка снова начала двигаться внутри него. Фэн Хао вернулся через несколько минут, уже переодевшись и с уже знакомым чемоданчиком в руках.

— Ложись. Не подглядывай. Смотри вперед или прикрой глаза.

Линь Лан быстро устремил взгляд прямо перед собой, стиснув зубы. Он не осмелился взглянуть. Чемоданчик со щелчком открылся. Знакомое прикосновение коснулось его лодыжки: веревка.

Он знал этот ритм. Фэн Хао никогда не торопился, связывая его. Каждый узел был продуманным. Лодыжки подтянуты к бедрам. Предплечья согнуты и стянуты. Запястья привязаны к лодыжкам. Каждый узел тугой.

Обнаженный, скованный и распростертый, Линь Лан чувствовал все. Прохладный воздух на коже. Веревка впивалась в мышцы. Его равновесие сосредоточилось между лбом и коленями, остальная часть тела приподнялась, подставляясь.

Напряжение нарастало, а затем медленно менялось. Сопротивление его собственного тела ослабло, когда он перестал бороться с гравитацией и начал подчиняться ей. Дыхание замедлилось. Разум, как ни странно, прояснился. Веревка не просто связывала его — она несла.

В этом подвешенном состоянии он парил.

Тихий смех вернул его к действительности.

— Не засыпай, — прошептал Фэн Хао за его спиной, проводя кончиком пальца по его

позвоночнику. — Мы даже не начали.

Фэн Хао вытащил пробку из Линь Лана, заменив его двумя пальцами в перчатках, которые легко скользнули внутрь него.

Кончики его пальцев двигались с отработанной точностью, безошибочно находя то место, которое заставляло Линь Лана вздрагивать.

— Это здесь? — пробормотал Фэн Хао тихим и притягательным голосом.

В ответ с губ Линь Лана сорвался тихий, беспомощный стон.

Губы Фэн Хао слегка изогнулись.

— Я так и думал, — сказал он, и пальцы начали медленно и целенаправленно двигаться. Затем, после паузы, он наклонился ближе и прошептал: — Тебя когда-нибудь так трогали сзади?

Линь Лан тяжело дышал, качая головой в ответ.

Фэн Хао, удовлетворенный ответом, замолчал.

Кончики его пальцев продолжали свой ритмичный танец: не слишком резко и не слишком нежно, не слишком быстро и не слишком медленно.

Сильное, неустанное трение доводило Линь Лана до безумия. Внутри него вспыхнуло жгучее пламя, распространяясь по венам и заставляя кровь кипеть.

Ритм Фэн Хао был гипнотическим, заставляя Линь Лана выгибаться навстречу его толчкам, но его тело оставалось неподвижным.

Эрекция пульсировала от неудовлетворенного желания, и десять дней воздержания ослабили его и привели к отчаянию. Он попытался потереться о простыни, но даже в этом легком действии ему было отказано.

— Пожалуйста, и спереди тоже, — взмолился Линь Лан, чувствуя, как инстинкты берут верх над достоинством.

— Нет, — мягко, но твердо ответил Фэн Хао. — Я сказал сзади, и так и будет.

Линь Лан замолчал, ощущение внутри него усилилось.

Его нервы сошлись в одной точке, и пальцы Фэн Хао, казалось, двигались размытым пятном перед его глазами.

Сердцебиение Линь Лана синхронизировалось с ритмом, и он почувствовал себя инструментом, а Фэн Хао — маэстро, дирижирующим симфонией наслаждения.

По мере приближения крещендо пальцы Фэн Хао ускорились, и Линь Лан почувствовал острую боль в пояснице, за которой последовала небывалая волна наслаждения.

Это было похоже на электрический ток, зародившийся внутри него, потекший по промежности и достигший его кончика, высвобождая каскад желания.

Это не было похоже ни на один оргазм, который он когда-либо испытывал: удовольствие охватывало всю нижнюю часть его тела, волны бесконечного желания полностью захлестывали его.

Линь Лан долго эякулировал, прежде чем его освобождение было завершено, и он наконец понял, почему Фэн Хао так долго сдерживался.

Даже после пика его тело продолжало сокращаться, сжимая пальцы Фэн Хао. Тот не собирался уходить, лишь увеличивая свою силу и скорость.

Линь Лан внезапно понял, что задумал Фэн Хао. Его тело, только что освободившись, мгновенно достигло небывалой чувствительности. Он не мог выдержать дальнейших поддразниваний. Каждое трение было пыткой, невыносимой и изысканной.

— Нет! Стой! — в ужасе закричал Линь Лан, но Фэн Хао, казалось, не замечал этого, его руки задвигались еще быстрее.

— Остановись! — мольба Линь Лана была прервана повтором всего происходящего, и он снова оказался полностью подавлен мастерством своего противника.

В голове у него на мгновение помутилось.

— Стой, стой... — голос Линь Лана дрожал, внутри все сжалось.

Его тело начало сильно дрожать. Он пытался вырваться, но веревки держали крепко. Если бы он мог пошевелиться, он бы ударил Фэн Хао по лицу. Вместо этого он лежал там, отдавая свое тело воле другого мужчины.

Он был весь в поту, крупные капли стекали по щекам, скапливаясь у кадыка. Его зрение затуманилось, распалось на бесчисленные мерцающие пятна света, которые дико плясали на

сетчатке. Его руки и ноги неудержимо дергались в конвульсиях; рот был открыт, слюна вытекала тонкими серебристыми нитями.

В этот момент ему больше не хотелось бить Фэн Хао.

Все, чего он жаждал, — это преклонить колени, умолять, боготворить, целовать эти ноги. Он был готов на все, лишь бы это прекратилось.

Когда наслаждение обрушилось на него в третий раз, его душа разбилась вдребезги. Если бы он был демоном, выкованным тысячами совершенствования, его истинная форма проявилась бы. Будь он бессмертным, достигшим совершенства за десять тысяч лет, он бы уже канул во тьму.

Его последнее освобождение было ничтожно малым.

Наконец Фэн Хао убрал пальцы.

— Это все, что ты накопил за десять дней. Тебе нужно пополнить запасы питательных веществ.

У Линь Лана не было сил даже спорить.

Фэн Хао развязал его, и Линь Лан рухнул, обмякший и измученный, на кровать.

— Не спи пока. Ты весь мокрый. Пора умыться.

Линь Лан лежал неподвижно, притворяясь мертвым, его дыхание почти остановилось.

Фэн Хао усмехнулся и легонько похлопал его по заднице.

— Давай, ленивая собачка.

— Нет, — пробормотал Линь Лан, не открывая глаз.

Вздыхнув, Фэн Хао встал, наполнил ванну теплой водой до половины и вернулся. Твердыми руками он поднял Линь Лана и опустил его в успокаивающее тепло.

У того вырвался долгий вздох облегчения.

Фэн Хао оставил Линь Лана в ванной отмокать, а сам пошел менять простыни. Вернувшись, он обнаружил Линь Лана спящим в воде.

Раздраженный, но в то же время позабавленный, Фэн Хао отругал его:

— Не засыпай в ванне! Хочешь простудиться?

Линь Лан проворчал, веки его все еще были тяжелыми.

— Я так устал.

— Твоя выносливость слишком низкая, — сказал Фэн Хао, аккуратно вытирая его полотенцем.
— С этого момента ты будешь бегать по пять километров каждый день на беговой дорожке. Бег трусцой, быстрая ходьба — сколько сможешь. И не забудь вставить пробку.

При этих последних словах глаза Линь Лана резко распахнулись.

— Как я, по-твоему, пройду с этим пять километров?

Тон Фэн Хао не оставлял места для возражений:

— Если не можешь сделать пять, тогда шесть, начиная с завтрашнего дня.

— Как ты можешь этого ожидать?

— Если я говорю, ты это делаешь. Если не можешь идти... будешь ползать.

Линь Лан недоверчиво уставился на него. Только Фэн Хао мог сформулировать столь суровое требование с такой мягкостью, что оно звучало почти как любовное послание, но на деле оно звучало как холодный приказ.

— Готово, — объявил Фэн Хао, вынося его из ванны и вытирая. На этот раз он не стал укладывать Линь Лана обратно на кровать. Вместо этого он поддерживал его, пока тот с трудом выходил из ванной.

Его ноги сильно дрожали, заставляя его навалиться всем своим весом на Фэн Хао, иначе он бы рухнул.

Без ошейника Фэн Хао не подпускал его к кровати.

— Подожди.

— Я не могу стоять.

— Тогда встань на колени.

Как только Фэн Хао отпустил его, Линь Лан без колебаний опустился на колени. Его достоинство, как и ноги, было слишком слабым, чтобы удержать его в вертикальном положении.

Фэн Хао принес ошейник, и Линь Лан поднял шею, добровольно подчиняясь.

— Ладно, иди, — мягко приказал Фэн Хао.

Собрав все силы, Линь Лан перекатился на кровать. Теперь даже землетрясение не могло сдвинуть его с места.

Фэн Хао лежал рядом с ним, подперев голову рукой, глаза его сияли от любви.

Линь Лан вдруг осознал кое-что: Фэн Хао не был удовлетворен.

— Ты асексуален? — тихо сказал он, не понимая, почему слова вырвались у него сами собой.

Фэн Хао усмехнулся:

— Как у тебя еще хватает смелости сомневаться в моих сексуальных способностях?

Линь Лан тут же замолчал, не желая больше произносить ни слова.

<http://bllate.org/book/13924/1226841>